

ПОЛВЕКА НА СЦЕНЕ

Прекрасное, как и человек, рождается в муках. Мучается скульптор, отбивая от глыбы гранита все лишнее, чтобы оставить в камне — задуманное. Мучается живописец, вытравывая у полотна какой-то свой ритуальный танец, чтобы выразить мир в красках. Мучается поэт — человек, вечно что-то бубнящий и мешающий проходим, — чтобы обрести то, единственное, слово и вскормить его, словно птенца, в сердце. И когда дело сделано, — в граните ли, красках, словах, когда дело сделано хорошо — скульптором, живописцем, поэтом ли, — тогда приходит к творцу успокоение.

Актер — хороший, большой актер — вечно в муках, даже когда дело его сделано. Вот он получает или сам выбирает роль и начинает кропотливое изучение незнакомца, который в будущем должен стать его, актерским, «я». И какова походка этого незнакомца, и каково лицо его, и голос не с хрипотцой ли, и какова душа этого человека, которого и незнакомцем еще нельзя назвать, потому что он не рожден еще, а только медленно, как силуэт из камня, как тень на полотне, как слово, вскормленное в сердце, обретает плоть в актере. И вот уже создан, вызван из небытия человек, и сгнили люди, находящиеся там, за рампой, видят его, знакомятся с ним, живут его жизнью, спорят, неистовствуют или пла-

чут. И благодарят его творца долгими аплодисментами. Но нет успокоения актеру.

Он каждый вечер будет выходить на сцену и будет делать то, что скульптор, живописец, поэт сделали однажды. И всякий раз образ, рожаемый актером, не будет в чем-то походить на этого же, но вчерашнего человека. И, может быть, не будет походить на него ни в чем. Как в «Варзарах» М. Горького акцизный надзиратель Монахов — в трактовке владивостокского актера Григория Ивановича Антошенкова.

Жена надзирателя Надя полюбила другого человека, красавца Черкуна. И он, муж, Монахов, просит: «Отдайте мне...жену! Отдайте... Больше ничего не имею... все в ней! всю жизнь ей отдал... Воровал для нее...».

Мелкий, поганенький человечико просит вернуть ему жену. И Черкун, только что целовавшийся с Надей: «Пожалуйста... возьми!» А Надя не верит, что ее не любят: «...Ты поцеловал меня... Меня никто не целовал... только ты!» «Монахов (кратко). А я.., а я, Надя?»

И когда зрительный зал грохнул хохотом от этой нелепой реплики Монахова, актер, его создатель Григорий Антошенков внутренне похолодел. Григорий Иванович не хотел, чтобы зрители здесь смеялись, Нельзя смеяться над

горем человека, пусть даже и поганенького.

От вечера к вечеру он вариовал эту реплику от трагического шепота до вопля души. А зритель все равно смеялся...

Бывают случаи, когда скульптор бьет молотом свое сознание. Актер Антошенков разбил в себе Монахова, отказался от прежней трактовки, ради одной только реплики пересмотрел всю роль, создал нового, чисто антошенковского акцизного. И однажды в зале стало тихо-тихо. Это была победа актера. Победа над зрительным залом, над самим собой...

Почти тридцать лет трудится народный артист РСФСР Г. И. Антошенков в Приморском краевом драматическом театре им. М. Горького. Почти все пьесы великого пролетарского писателя поставлены здесь. И почти во всех этих спектаклях участвовал он, отдал себя горьковскому репертуару.

А всего на сцене Григорий Иванович — пятьдесят лет, подвека. Если бы вызвать к жизни сыгранные им за это время все роли, потребовалось бы четыре стоквартирных дома, чтобы определить его героев под крышу. Потребовалось бы создать целое домоуправление, и я не уверен, продержался ли бы здесь более трех дней кто-либо, даже из опытных домоуправов. Потому что очень разные эти люди,

созданные Антошенковым, чтобы жить под одной крышей, — злые, добрые, безвольные, подлые, честные, красивые, безобразные, душевные, мелко-травчатые, гордые...

Впрочем, может эти жилища и не принесли бы никому хлопот, потому что нет среди них ни одного глупого...

— Я берусь играть любую роль и не могу — дурака, ибо его поступки ничем не мотивированы, темны, — при случае скажет Григорий Иванович.

Всегда поражает сценическим открытиям, игре этого человека. В самом незначительном проявляется его талант, причем талант особый, самобытный. Откуда он? От деда Давиды — сельского кузнеца? Деда — скрипача, без которого ни одна свадьба не была свадьбой? От отца Ивана, у которого не было достаточно грамоты, но были золотые руки рабочего-трубопрокатчика? Может быть, от них. Фамалия Антошенковых искрится. Сам Григорий Иванович, два брата его и один из сыновей — профессиональные артисты.

Григорий Иванович — кавалерист. Когда в качестве актера он репетировал в одной из кубанских станиц роль старого казака, кубанцы прицкивали языками и удивлялись, как ладно влит в казачье седло приезжий артист. Еще бы не ладно! Три года гражданской войны на Украине красногвардеец Антошенков был в седле,

И пыльные шляхи, зарево пожара, и шашка наголо, бурка, стелющаяся за плечами, и партизанские рейды в бело-партизанском тылу — все знакомо ему, все в его сердце. Кстати, здесь, в рядах красногвардейцев, он прошел путь от солдата до командира полка. Командир полка в двадцать лет!

Жаркое, сабельное время всегда в актерском сердце, и потому так рельефны его сценические герои тех пламенных лет. Талант Григория Антошенкова выкован именно в этом горниле, когда в коротких паузах между боями он сбрасывал с плеч бурку и смехом бойрил на площадке — сияе товарищей по оружию, когда ковалась Советская власть. Внук пошел в деда Давиду — ковал счастье.

Г. И. Антошенкову — семьдесят лет. В этом возрасте уже спокойно смотрят и на славу, и на положение в обществе, положение уважаемого человека. В этом возрасте, уже не оглядываясь, можно сказать о себе: «Я сам — кузнец себя».

Григорий Иванович сказал это серьезно, но вдруг улыбнулся:

— Когда мне было уже за тридцать — двое детей, твердое положение у себя на Украине в театре, — я вдруг решил учиться. Почувствовал, что топчусь на месте, многого не знаю, и поехал в Москву

поступать в театральный институт. А в институт меня уже не принимали тогда — за тридцать, переросток. Помогли старые партизанские связи. Как партизана, меня, собственно, и приняли в институт, хоть вступительные экзамены по актерскому мастерству я сдал на «отлично».

И совсем уже смеялся

— Была у меня еще одна «партизанская вылазка» — не удалась. В начале пятидесятих годов я был в творческой командировке в Москве. Прослышал, что в Малом театре объявлен конкурс на исполнительские роли Ленина. Пришел сюда, держал экзамен и был принят в группу Малого театра. Но, как видите, до сих пор во Владивостоке. Не пустило меня Приморье в Москву, приварило к себе...

Григорий Антошенков — первый на Дальнем Востоке актер, создавший здесь сценический образ Владимира Ильича Ленина в спектаклях «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Незабываемый 19-й».

— Если будете писать обо мне, упомяните об этих спектаклях, потому что, если чем-нибудь я и горжусь, сделанным мною в жизни, если за что и несу главную ответственность перед жизнью, так это прежде всего своей работой над образом Ленина...

Завтра день рождения человека и актера коммуниста

Григория Антошенкова. Семьдесят лет и пятьдесят. В краевом драмтеатре им. М. Горького сегодня вечером общественность Приморья будет чествовать юбиляра. Приветственные адреса, телеграммы со всех концов страны — от поклонников, друзей, многочисленных его учеников...

Но когда кончится торжество — эта пауза между боями, — снова начнутся мучения. Радостные мучения человека, который рождает прекрасное.

С. ПАСТУХОВ.
НА СНИМКЕ: народный артист РСФСР Г. И. Антошенков,

Фото Л. БЕЛЯЕВА.

